

УДК 81:1

DOI 10.25688/2078-9238.2020.34.2.05

Н.Н. Равочкин

Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты

Разработка проблематики языка для социальной философии, заключающаяся в осмыслении его сущности и практического применения, становится наиболее востребованной для сферы политики и права. Авторская позиция обращена к разбору двух методологически противопоставленных традиций — аналитической и постмодернистской философии. Производится обращение к языковым играм и их прикладным возможностям ввиду высоких ожиданий от эффективности функционирования данных сфер, а также в связи с более высокими ставками и издержками вследствие побед и поражений. Теоретико-методологическими основаниями выступают труды отечественных исследователей, посвященные изучению проблем языка. В целях раскрытия заявленной темы автор использует компаративистский подход и собственную синтетическую методологию. В статье рассматривается аналитическая философия, определяется ее проблемное поле, показывается, что со второй половины XX в. актуализируется ее социальная проблематика. Далее производится экспликация оснований аналитической философии на языковые игры, затем аналогичные операции осуществляются применительно к постмодернистскому направлению. Нетривиальным выглядит приводимый автором функционал языковых игр в выбранной сфере. В заключение отмечено, что вопреки теоретическому антагонизму исследуемых направлений практика демонстрирует взаимодополняющий характер этих традиций.

Ключевые слова: политика; право; языковые игры; аналитическая философия; постмодернистская философия.

Язык становится одним из объектов философских исследований только в прошлом столетии. Однако уже значительное количество интеллектуалов, среди которых следует обратить внимание на постмодернистов, а в первую очередь — на представителей аналитической традиции, сосредоточивается на языковых играх. Примечательно, но оба направления не представляют собой ничего концептуально определенного, поскольку здесь нет цельной теоретической системы. Скорее речь идет о множестве методов решения конкретных задач, а также совокупности аргументов, которые используют мыслители, причисляемые к тому или иному течению. Обе традиции формируют определенные философские стратегии, основным посылом которых является утверждение о языковой природе философии, а сам

анализ языковой реальности позволяет уже переключиться на анализ остальной действительности.

Рассмотрение вопроса предполагает обращение к истории становления аналитической философской традиции, поскольку именно от ее представителей берет свое начало «лингвистическая доктрина, согласно которой понимание природы философского знания существенным образом связано с исследованием языка» [4, с. 45]. Исследование языка аналитиками носило сложный, а в некоторых случаях даже противоречивый характер. Представители данного направления, которые нередко спорят о предметной области аналитической философии, сходятся во мнении, что философия является деятельностью по осуществлению анализа языка и высказываний [14].

В частности, выделяя программы естественного и идеального языка, занятые осмыслением в том числе и лингвистических проблем, Г. Фреге и Б. Рассел показывали, что при использовании естественного языка достаточно часто наблюдается возникновение определенных заблуждений. Причиной тому Фреге считает поверхностную грамматику, применяемую в естественном языке. Глубинный лингвистический анализ такого языка позволяет исключить ошибки и сформировать так называемый идеальный язык, т. е. символизм, главная функция которого состоит в возможности правильных дедуктивных умозаключений. По большому счету Фреге и Рассел едины в том, что понимают необходимость приведения идеального языка к краткости и истинности. Так, истинные знания кодифицируются в соответствующей знаковой форме и передаются от источника информации к ее получателю [6]. Представители аналитической философии стремятся сформировать эффективную форму передачи истинного знания, выраженную языковыми средствами. В этом случае идеальный язык становится кодификацией концептуальной схемы мышления, позволяющей передавать знания в знаковой форме. Более того, идеальный язык дает возможность не только зашифровывать знания в содержании передаваемых информационных сообщений, но и максимально эффективно осуществлять их дешифрацию.

Репрезентируя предметное поле аналитических философов, А.Л. Золкин помещает в его центр дискуссии «о повседневном языке во всем многообразии его функций. Такой язык рассматривался как “обычный” и в смысле практики повседневного общения, и в смысле укорененности его в культуре, в “обычаях” общества, его правилосообразных практиках, в его “формах жизни”» [4, с. 48]. В самом деле, активное развитие аналитической традиции привело к формированию иной концепции языка и появлению проблем, поставивших в центр исследований проблему понимания, связанную с возможностью использования предложений в корреляции с так называемыми языковыми играми. Рассуждая в духе современной философии, автор уделяет внимание их прикладному значению в связи с позицией Н.П. Эпштейна насчет игр вообще, согласно которой они способны гармонизировать общественную жизнь [16]. Со второй половины прошлого столетия происходит расширение предметного поля аналитической философии и осуществляется выход этой традиции на социально-философскую

проблематику, а именно анализ сферы политики и права. Действительно, трудно представить сферу, успех в которой был бы более зависимым от языка, чем та, что непосредственно связана с обладанием политической властью.

Но начнем по порядку. Предложенный Л. Витгенштейном термин «языковая игра», по мнению Н.В. Медведева, является определением «наиболее упрощенных, унифицированных способов использования слов естественного языка в отличие от реальной практики речевого поведения» [9, с. 157]. Витгенштейн считал языковые игры формами жизни ввиду фактической капитуляции последней перед линейностью и невозможностью принять структурированный вид. Несмотря на то что любая рациональность, возводимая теми или иными интеллектуалами до предела, создает логические стройные системы, все равно рано или поздно их авторы уходят в поле иррационального (на сегодняшний день исключение составляет Г.В.Ф. Гегель) и обнаруживают в нем именно игру [7].

Достаточно подробно суть рассматриваемых игр представлена в статье томских философов В.А. Суровцева и В.Н. Сырова: «Язык и реальность не изоморфны, так как язык создает новую реальность, опираясь на словарь, формируемый в процессе языковой деятельности. Стало быть, словарь не соотносится однозначно с системой значений, а зависит от способа функционирования языковых выражений. Соответственно анализ языковой структуры будет ставиться в зависимость от типов использования, и последнее как раз задает интенцию словаря, определяет предпочтительность одного словаря другому. <...> Любой нарратив должен быть “прочитан” и тем самым приведен в действие. В этом случае и возникает языковая игра, которую можно было бы определить как способ прочтения нарратива. Очевидно, что прочтений может быть не просто много, но бесконечное количество» [15, URL].

Таким образом, использование всего многообразия форм языка позволяет передавать информацию как содержание различным субъектам. На наш взгляд, неоценимая заслуга аналитической философской традиции заключается в открытии Л. Витгенштейном языковой игры, которая как нельзя лучше способна удерживать бинарные оппозиции («добро – зло», «война – мир», «прогресс – деградация» и многие другие), которые, как показывает практика, достаточно часто используются властью. Говоря вообще, вне зависимости от уровня власти, ее природа категоризирует мышление и понимание многих субъектов свойственной поляризацией, которая наиболее отражается в оппозиции «за – против», тем самым намекая на избегание половинчатых решений, приобретших сегодня большую популярность. Следовательно, справедливым будет утверждение, что аналитические философы посредством формального анализа языка стремятся выявить способы его использования в политико-правовой реальности. Богатство задействованных возможностей языка открывает минимум два пути организации способов взаимодействия с участниками связанных с властью процессов. Поэтому для политико-правовой сферы, которая помимо своих традиционных дефиниций также может быть истолкована как результат языковых игр, актуальность аналитического направления исследований их различных

приемов и методов использования определяется уже не только предъявляемыми к ней повышенными ожиданиями, прежде всего в аспектах результативности и эффективности ее функционирования, но и пониманием логик(и) реализации дискурсов власти и взаимодействий между соответствующими акторами.

Иным оказывается понимание причин и способов объяснения языковой игры в постмодернистской философии. Так, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр и другие мыслители отталкиваются от понятия «дискурс», как известного, выступающего совокупностью высказываний, принадлежащих к определенной формации, и одновременно с этим являющегося основанием эпистемы. Дискурсы определяют принципы функционирования акторов, а также связи и отношения, в которые они вступают. В частности, именно дискурсивные практики вынуждают социальных субъектов действовать в соответствии с заранее известными нормами и принципами. Применительно к нашей теме заострим внимание на том, что М. Фуко указывал на детерминацию дискурсивными практиками властных отношений, П. Бурдьё с помощью дискурсов объяснял все многообразие политико-правовых практик, а Ж. Бодрийяр благодаря дискурсам объяснял процессы повсеместных симуляций.

Именно через характеристики интеллектуальных направлений мы фиксируем принципиальное отличие понимания анализа текстов и языковых игр в аналитической и постмодернистской философии. В первой традиции сначала изучается формальная структура языка как средства передачи информации, а уже затем осуществляется переход к пониманию содержательного момента взаимодействия в политике и праве. Таким образом, в аналитической философии языковая игра в сфере политики и права становится следствием по отношению к формальным структурам языка. В постмодернистской философии анализ сосредоточивается на культурной, исторической и прочей реальности, которая вбирает в себя все многообразие форм и способов взаимодействия акторов. Здесь акцент делается на содержательной стороне исследуемого феномена, который предполагает активное действие по практической реализации игровых действий. Отсюда следует, что языковая игра и принципы ее функционирования могут быть поняты исходя из практик осуществления властных полномочий.

В современной нам политико-правовой сфере мы, как правило, наблюдаем единство двух представленных подходов. Языковая игра в анализируемой нами сфере, с одной стороны, имеет формальную структуру, а с другой — включает в себя содержательный элемент, так как предполагает необходимость совершения реальных действий по практической реализации взаимодействий с определенными акторами. Ссылаясь на аналитиков, мы можем утверждать, что играющий и борющийся, например, за принятие некоторых правовых инициатив субъект «не совсем свободен в выборе языковых средств, — институциональный дискурс задает параметры приемлемого поведения, игнорировать которые невозможно» [1, с. 57]. Из приведенной цитаты становится понятно, что формальные языковые структуры требуют от участников, находящихся в политико-правовых процессах, осуществляющих взаимодействия, придерживаться определенных

правил участия в рамках таковых, что позволяет пройти должную социализацию. Одновременно с этим резонно предполагать наличие общего основания для такого взаимодействия, пусть и не всегда корректного, но зато в той или иной степени предсказуемого. Из заданных условий для анализа исследователь Л. Макенсен вне всякого сомнения заявил бы о том, что лингвистическая деятельность всех участников процесса, связанного с обсуждением (и, вполне возможно, принятием) новых правовых норм, находится под социально-историческим и политическим контролем, который осуществляется посредством норм, правил и предписаний, определяющих взаимодействия коммуникантов.

Обращаясь к постмодернистам, некоторые ученые показывают, что использование норм и принципов языковых игр не настолько жестко детерминировано правилами речевого общения. Сам основоположник постмодернистской культуры Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, — будь то позиция отправителя, получателя или референта» [8, с. 45]. Этот подход дает возможность самостоятельного оперирования языковыми нормами и проведения их трансформаций по усмотрению актора, что в конечном итоге приводит к реализации игрового потенциала языковой среды во всем множестве форм.

Понятно, что в политико-правовых процессах могут быть использованы различные формы и способы языковой игры. Так, А.Б. Алексеев приводит пример из речи, связанной с борьбой за очень высокий пост, главы государства — употребление метафоры Д. Трампом [1]. Термин *whalever*, к которому прибегнул нынешний президент Соединенных Штатов Америки, был оценен весьма неоднозначно. Увидев в этом слове намек на физиологический цикл женщины, противники Трампа обвинили его в женоненавистнической риторике. В свою очередь, сам будущий глава государства актуализировал современную философскую проблему, обвинив своих оппонентов в непонимании (его слов) [11]. В итоге эта трамповская метафора была воспринята как эвфемизм, с помощью которого автору речи удалось избежать использования нецензурного выражения, что позволяет оценить игру смыслов как один из способов языковых игр. В самом деле, анализ современных реалий найдет множество подтверждений тем фактам, что как при участии в политической борьбе, так и при обсуждении принимаемых в законодательство поправок обращение к языковым играм открывает весьма ощутимые дополнительные возможности в плане достижения успеха.

Формальным основанием языковой игры принято считать использование правил языковой структуры, а содержательное начало может быть представлено в положении о том, что употребляемые слова зависят от контекста [12]. Множество форм и способов языковых игр обращает внимание исследователя на выполняемый ими функционал. В частности, Трамп, явившись участником и, вполне вероятно, зачинателем определенной языковой игры, продемонстрировал имиджевую функцию этой разновидности игр, что в некоторой степени отразилось на его победе в президентских выборах. Как видим, успех в борьбе

за власть, помимо всего прочего, был определен игрой смыслов в рамках некоего контекста, поскольку играющий выбрал нестандартную интерпретацию для артикулированных им языковых знаков, разбавив их ассоциативный потенциал за счет неожиданного для адресата контраста между обычным и необычным.

Также для нашего исследования представляет интерес позиция Т.А. Гридиной, утверждающей, что основной принцип языковых игр можно обнаружить в актуализации ими «психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения» [3, с. 47]. В рамках языковых игр в качестве одного из таких нестандартных способов словоупотребления выступает изменение значения слова определенного объекта, при котором реализуется их манипулятивная функция, когда играющий актер получает от адресата необходимую реакцию, но не совпадающую с действительной позицией последнего по тому или иному вопросу [5, 10, 13].

Итак, языковые игры задают строго определенные правила для практического использования слов в политико-правовой сфере как пространстве осуществления социальной деятельности. Одновременно с этим они насыщают текст и открывают широкое поле возможностей для достижения акторами своих целей с использованием богатства языковых средств. Проведенное исследование показало, что решение проблемы понимания, поднятой аналитическими философами, актуализирует необходимость учета правил конкретной языковой игры, в которых, согласно постмодернистам, можно разобраться только при обращении к контексту и умелом взаимодействии с ним. Однако мы полагаем, что тема контекста актуализирована поздним Витгенштейном уже в тот момент, когда он заявил, что «единый идеал не предусмотрен» [2, с. 121]. Последовавшие отсюда постмодернистские капитуляции точных дефиниций тому только подтверждение. Следовательно, говорить о жестком, взаимоисключающем характере противостояния аналитической и постмодернистской традиций, хоть и трактующих язык по-своему, не имеет смысла, поскольку нами показано, как на практике они совмещаются и дополняют друг друга в языковых играх в сфере политики и права.

Литература

1. Алексеев А.Б. Языковая игра в политическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 1. С. 57–62.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
3. Гридина Т.А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47–51.
4. Золкин А.Л. Аналитическая философия языка: основные исследовательские программы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2013. № 4 (8). С. 44–61.
5. Карамова А.А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 3. С. 84–90.

6. Колесников А.С. Аналитическая философия: история и основания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 4. С. 35–42.
7. Королькова А.А. Языковая игра как форма жизни в произведениях Витгенштейна // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 171–175.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Медведев Н.В. Витгенштейн и Гадамер о «языковой игре» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 5 (121). С. 156–165.
10. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–47.
11. Попова Д.А. Фонетический аспект реализации языковой игры в политическом дискурсе // Academy. 2016. № 6 (9). С. 83–84.
12. Равочкин Н.Н. Роль контекста при формировании социально-политических представлений // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 367–370.
13. Савельева И.В. Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–4 (64). С. 216–220.
14. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
15. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании [Электронный ресурс] // Философия науки. 1999. № 1 (5). С. 2. URL: <https://www.kph.pnu.edu.ua/e-book/clasik/data/surovtsev/syrov.html> (дата обращения: 20.01.2020)
16. Эпштейн Н.П. Игра в жизни и искусстве // Советская драматургия. 1982. № 2. С. 244–253.

Literatura

1. Alekseev A.B. Yazy'kovaya igra v politicheskom diskurse // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2018. T. 16. № 1. S. 57–62.
2. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya. M.: AST, 2018. 352 s.
3. Gridina T.A. Yazy'kovaya igra v zhanre politicheskogo prikola // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 47–51.
4. Zolkin A.L. Analiticheskaya filosofiya yazy'ka: osnovny'e issle-dovatel'skie programmy' // Gumanitarny'e vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2013. № 4 (8). S. 44–61.
5. Karamova A.A. Manipulyativny'j potencial grammaticheskix sredstv v sovremennom politicheskom diskurse // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2016. T. 1. № 3. S. 84–90.
6. Kolesnikov A.S. Analiticheskaya filosofiya: istoriya i osnovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2014. № 4. S. 35–42.
7. Korol'kova A.A. Yazy'kovaya igra kak forma zhizni v proizvede-niyax Vitgenshtej-na // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 119. S. 171–175.
8. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M.: Institut e'ksperi-mental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 1998. 160 s.

9. *Medvedev N.V.* Vitgenshtejn i Gadamer o «yazy'kovoj igre» // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarny'e nauki. 2013. № 5 (121). S. 156–165.
10. *Maslova V.A.* Politicheskij diskurs: yazy'kovy'e igry' ili igry' v slova? // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 43–47.
11. *Popova D.A.* Foneticheskij aspekt realizacii yazy'kovoj igry' v politicheskom diskurse // Academy. 2016. № 6 (9). S. 83–84.
12. *Ravochkin N.N.* Rol' konteksta pri formirovanii social'no-politicheskix predstavlenij // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 2 (117). S. 367–370.
13. *Savel'eva I.V.* Manipulyativnost' v oby'dennom politicheskom diskurse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4–4 (64). S. 216–220.
14. *Surovcev V.A.* Analiticheskaya filosofiya: vseobshhee i nyuans // Voprosy' filosofii. 2010. № 8. S. 23–29.
15. *Surovcev V.A., Sy'rov V.N.* Yazy'kovaya igra i rol' metafory' v nauchnom poznanii [E'lektronny'j resurs] // Filosofiya nauki. 1999. № 1 (5). S. 2. URL: <https://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/clasik/data/surovtsev/syrov.html> (data obrashheniya: 20.01.2020)
16. *E'pshtejn N.P.* Igra v zhizni i iskusstve // Sovetskaya dramaturgiya. 1982. № 2. S. 244–253.

N.N. Ravochkin

Language Games in Policy and Law Field: Analytical Philosophes vs Post-Modernists

The development of language issues for social philosophy, which consists in comprehending its essence and practical application, becomes the most demanded for the sphere of politics and law. The author's position addresses the analysis of two methodologically opposed traditions — analytical and postmodern philosophy. An appeal is made to language games and their applied capabilities due to high expectations of the effective functioning of these areas, as well as in connection with higher rates and costs due to victories and defeats. Theoretical and methodological grounds are the works of domestic researchers on the study of language problems. In order to disclose the claimed topic, the author uses a comparative approach and his own synthetic methodology. The article discusses analytical philosophy, determines its problem field, shows that from the second half of the twentieth century its social problems are updated, its bases are explicated on language games, then similar operations are carried out in relation to the postmodern direction. The functional of language games cited by the author in the field under consideration seems non-trivial. In conclusion, it is presented that contrary to the theoretical antagonism of the areas under consideration, practice shows the complementary nature of these traditions.

Keywords: politics; law; language games; analytical philosophy; postmodern philosophy.